

Чуковский Корней Иванович

От двух до пяти

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К67

К67 **Корней Иванович Ч.**
От двух до пяти / Чуковский Корней Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 229 с.

ISBN 978-5-521-30463-9

Эта книга — репринт оригинального издания (издательство "Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде", 1933 год), созданный на основе электронной копии высокого разрешения, которую очистили и обработали вручную, сохранив структуру и орфографию оригинального издания. Редкие, забытые и малоизвестные книги, изданные с петровских времен до наших дней, вновь доступны в виде печатных книг.

Книга «От двух до пяти» посвящена детской речи. В ней сформулированы основные взгляды К.И. Чуковского на детскую литературу, которые обобщены наблюдения над развитием языка детей.

Издание адресовано широкому кругу читателей: родителям, педагогам, детским психологам, художникам, поэтам, писателям. Сам Корней Иванович признается в книге, что ее невозможно было бы написать без помощи писем дорогих читателей, которые с радостью делились историями о своих малышах с автором.

ISBN 978-5-521-30463-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Первая статья в этой книжке посвящена детской речи. Изучая детскую речь, я главным образом пытался отметить не то, какие слова изобретает ребенок, а то, как он реагирует на языковой материал, который дают ему взрослые, и как он этот материал перерабатывает. Моя основная тема — осмысление детьми речи взрослых, то есть те методы, при помощи которых воспринимает ребенок историческое языковое наследие своей социальной среды.

Вторая статья — о детских стихах, «эпиках». Не легко было писать, эту статью, так как ее тема еще небывалая. Приходилось идти ощупью и не только собирать материалы, но и выработать методы для их изучения.

Третья статья — «Заповеди для детских писателей». Статья эта возникла таким образом: когда лет пятнадцать назад я приступал к сочинению детских стихов, я увидел, что в литературе не существует никаких руководящих принципов для детских писателей. Учиться было не у кого. В «Светлячках» и «Задумевных словах» печаталась беспросветная дрянь, сочиняемая темными ремесленниками. Я полагал, что подобные вирши не только плохи сами по себе, но идут вразрез с подлинной психикой ребенка, и что всякому, кто хочет писать для детей, надлежит изучить эту психику, иначе его писания будут такая же мертвечина и фальшь.

Не слишком веря в успех своей безумной затеи, я надумал «уйти в детвору», как некогда ходили в народ: я почти порвал с обществом взрослых и стал водиться лишь с трехлетними ребятами, благо на берегу моря, где я жил, их копошилось несметное множество. Я записывал их стиховые экспромты, и у меня понемногу составилось нечто

вроде поэтики детского возраста, которую я и применял при писании моих «Мойдодыров», насколько у меня хватало умения. Таким образом, я учился писать у двухлетних и трехлетних детей. Кое-что из того, чему они научили меня, я и попытался изложить в «Заповедях для детских писателей».

В следующей статье «Лепые нелепицы» дана характеристика одной любопытной группы детских народных стихов, которые я называл «перевёртышами». С удовлетворением вижу, что этот термин вошел в научную литературу о детском фольклоре.¹ Проф. М. Я. Басов утверждает, что в «Лепых нелепицах» «автор идет буквально по целине и то, что он дает, имеет бесспорную ценность в глазах педолога и педагога». Это гораздо больше, чем я ожидал, так как я не забываю ни на миг, какая бездна существовала всегда между педагогами и нами, писателями. Ведь я вглядывался в слова и стихи малышей отнюдь не как ученый, а как детский писатель, и я рад, что наконец-то между нами, детскими авторами, и педагогами, начинает устанавливаться общий язык.

Вообще не советую думать, будто эта книжка имеет какое бы то ни было касательство к педагогике и педологии. Дети трактуются здесь исключительно с писательской точки зрения.

Стихи, сочиняемые детьми, оказались интересны не только для педологов, поэтов, художников, но также для певцов и музыкантов. Композитор С. Богуславский позаимствовал из моей книжки стихи Тани Литвиновой и Мити Толстого и положил их на ноты, которые и вышли в Москве в издании ЗИФа в качестве приложения к журналу «30 дней» (август, 1928).

Теперь моя работа облегчилась, так как в последнее время мне посчастливилось ближе познакомиться со всевозможными коллективами малых ребят, о которых, к сожалению, мы, писатели, знаем так мало: с очагами, детскими домами, санаториями. Следы этого изучения сказались в

¹ См. Георгий Виноградов. «Детский фольклор и быт», 1926; О. Капица. «Детский фольклор», 1928.

От автора

некоторых моих журнальных статьях (см. напр. «Новый мир», 1930, 3), в повести «Солнечная», в поэме «Гос-Погода» и пр.

Большинство фотографических снимков, украшающих эту книгу, изготовлено в московских очагах художником А. П. Штернбергом.

Мне уже случалось обращаться к читателям с просьбой присылать мне наблюдения над маленькими. Я получил около полутысячи писем, которые, в своей совокупности, могли бы составить изрядную книгу о детях.

Прошу читателей писать мне о детях и впредь. Адрес для писем: Ленинград, «104», Кирочная, 7, кв. 6. К. И. Чуковскому.

ДЕТСКИЕ СЛОВА И РАЗГОВОРЫ

1

ПРИСЛУШИВАЮСЬ

Когда Ляле было два с половиною года, она гордо сказала матери:

— Мама, я такая распутница!

И показала веревочку, которую удалось ей распутать.

А когда ее спросил незнакомый:

— Ты хотела бы быть моей дочкой?

Она величаво ответила:

— Я мамина и больше никовой паи.

Однажды мы гуляли с ней по взморью, и она впервые в жизни увидела вдали пароход.

— Мама, мама, паровоз купается! — пылко закричала она.

Милая детская речь. Никогда не устану ей радоваться. Недавно я с большим удовольствием подслушивал такой диалог:

— Мне сам папа сказал...

— Мне сама мама сказала...

— Но ведь папа сам ее мамы... Папа гораздо сам ее.

И весело мне было услышать, как трехлетняя спящая девочка внезапно пробормотала во сне:

— Мама, закрой мою заднюю ногу!

И как другая, двух с половиною лет, увидев почтальона, воскликнула:

— Почтаник, почтаник идет!

Но еще больше понравилось мне то замечательное детское слово, которое я подслушал лет пятнадцать назад в один пасмурный майский день. Я зажег для детей костер. Издали солидно подползла двухлетняя пузатая соседская девочка и осторожно спросила:

Прислушиваюсь

— Это все х п ы й огонь?

— Всехный, всехный! Подходи, не бойся!

Прелестьное это слово так очаровало меня, что я тогда же и решил читать читателям ввести его во все х н ы й обиход, потому что оно куда выразительнее нашего взрослого слова «всеобщий».

Я как вижу уличный плакат:

Всехная работа на всехной земле во имя
всехного счастья!

Еще экспрессивнее детское слово сердитки. Трехлетняя Таня, увидев морщинки на лбу у отца, указала на них пальцем и сказала:

— Я не хочу, чтобы у тебя были сердитки!

Этого слова положительно не хватало у нас в языке. Отныне женщины, целуя в лоб утомленных мужчин, должны всякий раз приговаривать:

— Убери свои сердитки со лба!

И сердитки непременно исчезнут.

Почему бы в самом деле некоторым детским словам не войти в нашу речь? Ведь у двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, всех его флексий и суффиксов, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекami или уродами речи, а напротив очень метки, изящны, естественны.

Не даром сплошь и рядом случается, что ребенок изобретает слова, которые уже есть в языке, но неизвестны ни ему, ни окружающим. На моих глазах один трехлетний в Крыму, в Коктебеле, выдумал слово пулять и пулял из своего игрушечного ружья с утра до ночи, а потом случайно обнаружилось, что это слово существует в Сибири и на севере Архангельской губернии.

Другой младенец (трех с половиной лет) сам, без всякой помощи, выдумал слово ничемный.

Третий, неизвестного мне возраста, приобрел слова обутки и одетки, а потом я случайно наткнулся на слово

обутки в словарики Красноярского уезда, Енисейской губернии, составленном В. И. Апучиным. Не удивлюсь, если в другой какой-нибудь губернии отыщется слово одетки.

— Ах, ты стрекоза! — сказала мать своей трехлетней Ирине.

— Я не стрекоза, а я людь!

Мать сначала не поняла этой «люди», но потом оказалось, что на Урале всякий человек издавна называется «людью». Там так и говорят:

— Ты что за людь?

Таким образом ребенок порою самостоятельно приходит к тем формам, которые созданы народом в течение многих веков.

Даже те детские слова, которых нет в языке, кажутся почти существующими. Они могли бы быть, и только случайно их нет. Их встречаешь как старых знакомых, как будто уже слышал их когда-то. Легко можно представить себе какое-нибудь из славянских наречий, где в качестве полноправных слов существуют и сердитки, и пиковый, и всехпый.

Я часто проделывал опыт: разговаривая с трехлетним ребенком, незаметно вводил в разговор те слова, которые выдуманы каким-нибудь его сверстником. Ребенок не только сразу понимал их значение, но даже не догадывался, что эти слова экзотические. Еще недавно, услышав от какого-то мальчика, будто лошадь копытнула его, я при первом удобном случае вернул эти слова в разговор с моей маленькой дочерью. Они показались ей совершенно нормальными.

Да они такие и есть, — порою даже «нормальнее» наших. Почему в самом деле ребенку говорят о лошади — лошадка? Ведь лошадь для ребенка огромна. Может ли он звать ее уменьшительным именем? Чувствуя всю фальшь этого уменьшительного, он делает из лошадки — лошаду, подчеркивая тем ее громадность. Точно также полущка для него подуша, картошка — картоха, ложка — лог, гребешок — гребёх:

— Мама, смотри, петух без гребёх!

Или, например, это слово — пулять. Ребенок хорошо понимает, что пулей стрелять нельзя, что стрелять можно только стрелой, и, бессознательно исправляя наш промах, не стреляет, а пуляет из ружья.

2

СЛОВЕСНЫЕ БУНТЫ

Впрочем, это происходит у него не всегда бессознательно. Приближаясь к четвертому году, он все чаще начинает выступать с такими разоблачениями наших словесных ошибок, в которых сказывается даже чрезмерная склонность к умственному анализу слов:

— Почему масленица? Надо бы блинница. Ведь не масло мы едим, а блины.

— Почему часовенка? Надо бы церковенка. Никаких часов на ней нет.

— Почему толкучка? Надо бы толлучка. Видишь, какая толпа.

— Почему флакончики? Надо бы духончики.

— Почему дышлята? Надо бы курики. Это у цапли дышлята.

— Почему перочипный нож? Надо бы оточительный. Никакие перья я им не чиплю!

Это буквально на каждом шагу.

Я, например, знаю десятки детей, которые страстно бунтуют против слова художник, так как они уверены, что если слово начинается частицей худо, значит, это слово ругательное. Пятилетний мальчик говорит про художника, сделавшего иллюстрацию в книжке:

— Он совсем не художник: он очень хорошо нарисовал!

Смастерив какую-то картинку, этот мальчик заявляет отцу:

— Посмотри, какой я хорошник!

Когда же картина особенно удается ему, он говорит:

— А теперь я — прекрасник.¹

¹ О. И. Капица. «Детский фольклор». Л. 1928, стр. 181.

Ребенок зорко всматривается в конструкцию каждого слова и, требуя, чтобы здесь была самая прямолинейная логика, безжалостно бракует те слова, логика которых ему незаметна.

Четырехлетний Адик сердито говорит своей старшей сестре:

— Бык не мычит, а бычит!

— Корова не бодает, а рогает!

В своих родителях ребенок, естественно, видит непогрешимых учителей языка, коим надлежит подражать, но тем разительнее тот строгий контроль, которому он часто подвергает их речь.

Услышав, например, как бабушка говорит незнакомому гостю: «ты тогда еще под стол пешком ходил!» — внучка перебивает ее язвительным смехом:

— А разве под стол на извозчиках ездят!

И когда бабушка сказала однажды:

— Ну вот, Кирусенька, скоро и праздник придет, — Кира возрадила смеясь:

— Разве у праздника — пожки?

Этот вопрос о ножках задают очень многие дети, полемизируя таким образом с нашим метафорическим истолкованием слова птп.

Логика четырехлетних рационалистов всегда беспощадна. Их правила не знают исключений. Всякая словесная вольность кажется им своеволием.

Скажешь, например, в разговоре:

— Я этому до-с-м-е-р-т-и рад!

И услышишь укориженный вопрос:

— Почему же ты не умираешь?

Иные дети, наделенные юмором, нарочно притворяются для шутки, что не могут понять тех или иных идиом нашей речи, дабы принудить нас к более строгому соблюдению правил, которые мы сами дали им.

Пожалуешься, например, при ребенке:

— У меня сегодня ужасно трещит голова.

А ребенок насмешливо спросит:

— Почему же не слышно треску?

И тем подчеркнет свое отрицательное отношение к

Словесные бунты

странный манере взрослых выражать свои чувства метафорами.

Играл, например, с Жоржем в оловянных «солдати́ков», я сказал про одного красноармейца:

— А вот этот будет стоять на часах.

Жорж схватил красноармейца и со смехом помчался на кухню, где висели стенные часы, хотя ему было отлично известно, что такое «стоять на часах».

Дети-юмористы часто придираются даже к понятным словам, чтобы поставить нам в вину их неточность.

Зовет, например, женщина свою трехлетнюю Киру к себе под одеяло поласкаться и слышит проницательный ответ:

— Разве мама полоскательная чашка?

Сердитый отец говорит четырехлетнему сыну:

— Чтоб этого у меня и в заводе не было!

А сын:

— Но ведь здесь не завод, а квартира!

Впрочем, такая полемика с нашею взрослою речью не всегда производится в шутку. Я знаю пятилетнюю девочку, которая краснеет от гнева, когда при ней говорят о баранках.

— Почему ты называешь их баранками! Они не из барана, а из булки!

Чаше всего эта детская критика вызвана искренним непониманием нашего отношения к слову.

Младенец, которого мы сами приучили к тому, что в каждом корне данного слова есть отчетливый смысл, не может простить нам «бессмыслицу», которые мы вводим в нашу речь.

Когда он слышит слово «близорукий», он спрашивает, причем же здесь руки, и доказывает, что нужно говорить близозглазый, так как дело идет о глазах.

— И почему кочегар? Надо угольник.

— И почему кормилица? Надо поилца. Ведь не котлетами же будет она нашего Зёзку кормить!

— И почему перчатки? Надо пальчатки.

— И почему ты говоришь колоть дрова? Ведь дрова не колют, а топорят.

Иногда ребенок протестует не против смысла, а против

фонетики данного слова. Н. Прянишников сообщает мне из Уральска про тамошнюю четырехлетнюю девочку, которая была весьма недовольна, когда узнала, что имя нарисованного в книжке человека — Шекспир. Она даже отказалась повторить это имя:

— Так дядей не зовут, а только службу!

Слово Шекспир несомненно прозвучало для нее как Рабкрин и Торгсин.

Конечно, инстинкт подражания в ребенке чрезвычайно силен, но ребенок не был бы человеческим детенышем, если бы в свое подражание не вносил критики, контроля, оценки.

Только этот неослабный контроль над нашей установленной речью дает ребенку возможность творчески усвоить ее.

Можно сказать, что ребенок есть неутомимый революционер нашей речи. Он усваивает ее, бунтуя против нее. Этот бунт бывает двух родов: 1) бессознательный, когда ребенок даже не подозревает о том, что он забраковал наши слова и заменил их другими, и 2) парочный, когда ребенок сознает себя критиком и реформатором созданных нами речений.

И в том, и в другом случае это бунт верноподданного, так как основные законы выработанной взрослыми речи остаются для ребенка непреложными. На них он никогда не посягнет; напротив, если он восстает против нас, то лишь для того, чтобы вступить за эти законы. Мы кажемся ему законодателями, нарушающими свои же уставы, и он требует, чтобы мы выполняли их с наивысшей строгостью.

5

ЧУЖИЕ ГРЕХИ

Но что заставляет детей выступать с изобличениями взрослых? Почему они так шумно торжествуют, когда им удастся обпаружить какой-нибудь изъян в нашей речи?

Для меня это долго оставалось загадкой, — пока я не наткнулся на двухлетнего Юрика, который озарил для меня всё как прожектором.